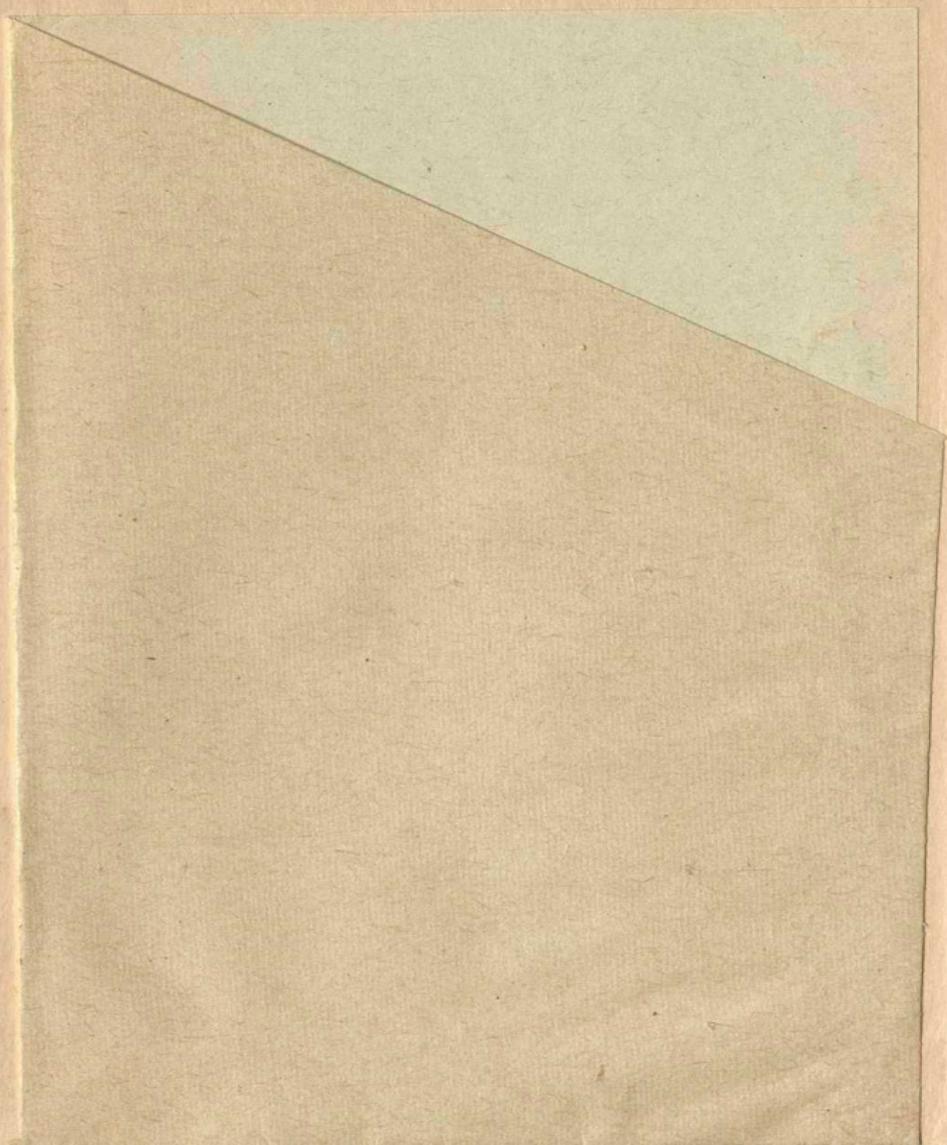

783

683

Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

783
083

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКИХ ИЗВЕРГОВ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ О ЧУДОВИЩНЫХ
ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ

Ленинград — 1944

2011098105

БФ 95-101

783
683

Наступление Красной Армии в ещё большем, чем прежде, объёме раскрыло варварский, бандитский характер гитлеровской армии.

... И чем безнадвжнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах.

И. СТАЛИН.

67878-44

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКИХ ИЗВЕРГОВ

Кровавый след тянется за гитлеровской разбойничьей армией. Где побывал немец — там несчастье, там остались без крова тысячи граждан, сиротами — дети, вдовами — жены, потеряли любимых детей матери. Виселицами, пожарами, страшными ямами, наполненными заживо погребёнными стариками, женщинами, детьми, отмечен путь фашистов. В каждом городе, в каждом селе — одна и та же картина грабежа, насилия, убийств.

Советские граждане, находящиеся на оккупированной немцами территории, терпят унижения,

подвергаются издевательствам. В городах фашистские временщики лишают граждан всех условий человеческого существования. Люди живут без воды, отопления, освещения, без транспорта, без хлеба, без медикаментов. В селах и деревнях немцы разрушили колхозное хозяйство. Они заставляют крестьян работать день и ночь на новоявленных помещиков; они восстановили крепостное право в его худшем виде. Собранный урожай немцы отбирают, крестьяне вынуждены умирать голодной смертью.

Фашисты глумятся над всем, что дорого русскому человеку. Они разрушили сотни памятников старины, музеи, дворцы, театры, школы и университеты, сожгли или вывезли в Германию миллионы экземпляров книг. Вы проходили через города Пушкин, Гатчину, Павловск. Видели, что стало с Екатерининским, Александровским, Павловским дворцами? От них остались одни изуродованные стены. Так немцы поступают всюду.

Свыше тысячи лет на высоких днепровских берегах стоит Киев — мать городов русских, очаг нашей национальной культуры. Киевом гордились все, он дорог каждому патриоту нашей Родины. А что немцы сделали с Киевом? Немцы его разрушили. В груды развалин превращена красивейшая улица Крещатик, Киево-Печерская лавра — древнейший памятник культуры, Успенский собор, старейший украинский университет имени Тараса Шевченко.

240 лет стоит на берегу Невы город, воздвигнутый величайшим русским государственным деятелем Петром Первым. С этим городом — колыбелью Великой социалистической революции — связано имя гения современного человечества Владимира Ильича Ленина. Знаменем стойкости, мужества, непреклонной воли к победе стал навеки гордый Ленинград! Ни разу нога иноземца не вступала на его прекрасные улицы. Немцы осенью 1941 года подошли к нему. Они были остановлены у ворот города. Отчаявшись взять его боем, враг начал методически разрушать его авиацией, артиллерийским огнем. Более двух лет немцы обстреливали Ленинград. На его улицы фашисты сбросили сотни бомб, выпустили более 150 тысяч тяжелых снарядов.

Бомбежками и артиллерийскими обстрелами убито и ранено свыше 32 тысяч ленинградцев. Бомбы и снаряды попали во многие исторические здания — красу и гордость ленинградцев: Инженерный замок, Русский музей, Эрмитаж, Зимний дворец. За время блокады фашисты разрушили в Ленинграде 500 школ и 170 лечебных учреждений.

Получив сокрушительные удары под Ленинградом, вышибленный из тысяч сел и деревень Ленинградской области фашистский зверь в бесильном бешенстве творит зверскую расправу с каждым раненым воином Красной Армии, попавшим в его лапы.

Воин Красной Армии! В этом сборнике ты найдешь документы немецких злодеяний, кото-

рые никогда не забудутся. Прочти эти документы и поклянись отомстить за смерть своих товарищей. Разве можно забыть такие чудовищные факты? 17 февраля 1944 года во время жаркого боя за деревню Лешевицы немцы захватили в плен 47 раненых бойцов, сержантов и офицеров. Все они, наши товарищи, были не просто убиты. Для немца этого мало. Они были замучены. На груди умирающего советского офицера один из фашистских подлецов медленно разжигал костер. У другого командира немцы сняли череп, вынули мозг и набили черепную коробку газетами. Какой-то просвещенный Геббельсом мерзавец хотел унижить этим нашего командира, подчеркнуть, видимо, свое «идейное» превосходство. Здесь же были обнаружены и другие трупы. Две девушки-санструкторы — Екатерина Новикова и Анастасия Шепотовская лежали на мерзлой земле. Тела их были покрыты ножевыми ранами, груди вырезаны. У других мертвых бойцов были отрезаны носы, выколоты и выжжены глаза, вырезаны половые органы. Несколько красноармейцев были замучены, облиты горячей жидкостью и сожжены.

Это сделали немцы.

При занятии станции Заозерье наши бойцы обнаружили в сгоревшем здании вокзала до 80 обгорелых трупов раненых бойцов и командиров.

Это тоже сделали немцы.

В течение двух с половиной лет они систематически истребляли население Стругокраснен-

ского района Ленинградской области. Немецкая охранка сгоняла мирное население, подозреваемое в связях с партизанами, в город и здесь расстреливала. Так было расстреляно до 9 тысяч ни в чем неповинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей. Расстрелы производились на юго-западной окраине города Струги Красные. Здесь обнаружено четыре больших ямы 20 метров длиной, сплошь заполненные трупами.

В городе Гдове к началу Отечественной войны было 700 жилых домов. В течение двух дней 26 и 27 января 1944 года, когда немцы под ударами наших частей были вынуждены отступить, они разрушили и сожгли весь город. В Гдове осталось всего 15 домов. Как и в Петергофе, Гатчине, Кингисеппе, немцы взорвали здесь все промышленные, торговые, культурные предприятия города. Взорваны Промкомбинат, завод и мастерские Ленгосрыбтреста, комбинат пищепрома, кирпичный завод, мельница, городская электростанция, городской театр и кино, городская больница. Сожжен дотла военный городок, МТС. Старинный и красивый русский город Гдов превращен фашистами в груды щебня. А грабежам, насилиям, издевательствам над его мирными жителями потерян счет.

В известной больнице имени Кащенко, в селе Никольское, Гатчинского района Ленинградской области к приходу немцев осталось 1500 больных. 20 ноября 1941 года все они были безжалостно, бесчеловечно истреблены.

Тысячи страниц могла бы содержать книга о преступлениях гитлеровских убийц только на территории Ленинградской области. Мы не забудем полтораста тысяч тяжелых снарядов, выпущенных немцами по Ленинграду, мы не забудем тысяч убитых немцами ленинградских женщин и детей, сотен разрушенных ими жилищ, больниц, госпиталей, не забудем и не простим!

Воин Красной Армии!

Ты видел развалины Пулкова, руины Петергофа и Стрельны, сожженные дворцы и дома Пушкина, Красного Села, Гатчины, Луги. Ты входил в подожженные немцами села и города Ленинградской области. Ты видел трупы сожженных, замученных, расстрелянных советских людей. Ты видел слезы детей. Ты освобождал от немецкого рабства тех, кто еще уцелел и, спасаясь в лесу от угона в Германию, с надеждой и верой ждал твоего прихода.

Мсти же подлым захватчикам за все муки Русской земли, за кровь и слезы отцов, матерей, сестер, детей!

Беспощадно бей немцев! Не упускай их живыми с советской земли!

Вперед, на Запад!

Смерть немецким захватчикам!

ГИТЛЕРОВСКИЕ ИЗВЕРГИ ЗВЕРСКИ ИСТРЕБЛЯЮТ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

ТРАГЕДИЯ В ТЕРПЛИЦКОМ ЛЕСУ

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, — заместитель председателя Исполнительного комитета районного совета депутатов трудящихся гор. Волосово Ленинградской области Лебедев М. Г., уполномоченный Ленинградского областного комитета ВКП(б) Сергеев Е. Н., старший лейтенант Урес М. А., старший лейтенант медицинской службы Канторович С. Г., старший лейтенант госбезопасности Пикевский Г., жители гор. Волосово Кинжалова А. М. — врач местной больницы, Платонова А. Т., Тарасова М. Ф., Шаблова Е. Н., Песенникова Е. И., Костенко А. М., Каткова А. П., Перепелова А. О., священник волосовской православной церкви Горемыкин Д. И. — составили настоящий акт в том, что 2 февраля 1944 г. нами разрыта траншея в Терплицком лесу близ поляны, в двух километрах северо-западнее гор. Волосово.

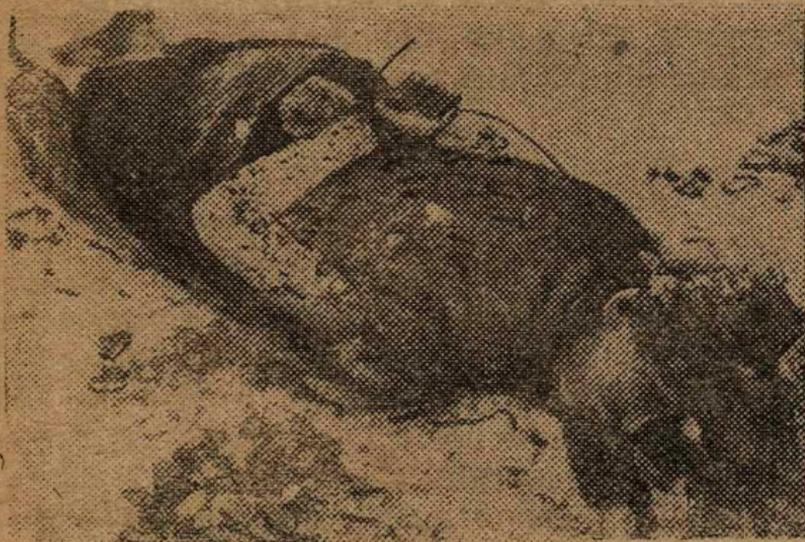
В разрытой траншее, протяженностью 15 метров, нами обнаружено 13 трупов жителей

гор. Волосово и Волосовского района. Все трупы были в беспорядке сброшены в траншею и засыпаны тонким слоем земли. При осмотре трупов обнаружено, что у всех у них руки были связаны за спинами ремнями, проволокой и веревками. На всех трупах не было верхней одежды и обуви, за исключением четырех трупов. Нами опознаны трупы следующих лиц: 1. Гороховой Лидии Ивановны, 48 лет, жительницы дер. Брызгово Волосовского района; 2. Горохова Ивана Ильича, 49 лет, жителя дер. Брызгово Волосовского района; 3. Филькиной Нины Николаевны, 26 лет, жительницы дер. Брызгово; 4. Тимофеева Николая Сергеевича, 22 лет, жителя дер. Брызгово; 5. Барановой Татьяны Ивановны, 26 лет, жительницы деревни Брызгово; 6. Аняновой Лидии, 28 лет, жительницы гор. Волосово; 7. Петровой Руфимы Тимофеевны, 21 года, жительницы гор. Волосово; 8. Гущева Александра Георгиевича, 18 лет, жителя дер. Брызгово; 9. Григорьева Павла, 42 лет, жителя дер. Горицы Волосовского района; 10. Гусева Сергея Васильевича, 33 лет, жителя гор. Волосово; 11. Кириллова Павла, 38 лет, жителя дер. Брызгово. Фамилии двух мужчин, один из которых житель дер. Ольхово, по имени Григорий, 50 лет, а второй—житель дер. Брызгово, 22 лет, по имени и отчеству Игорь Иванович,—установить не удалось.

Смерть всех вышеперечисленных лиц последовала от огнестрельных ранений черепа. При медицинском осмотре установлено, что выстрелы

Жительница дер. Брызгово Баранова Татьяна, расстрелянная немцами в ночь на 22 января 1944 г.

Жительница гор. Волосово Анянова Лидия, расстрелянная немцами в ночь на 22 января 1944 г.

были произведены в упор из пистолета в лицо, за исключением Гущева, Кириллова, Игоря Ивановича, которые были убиты выстрелами в затылок. На теле трупа Аняновой обнаружены следы истязаний, кровоподтеки и ссадины в области шеи и лица, в области правой надбровной дуги имеются колотые раны. На трупе Петровой — кровоподтеки в области шеи и груди. На теле Гусева — кровоподтеки и ссадины. Местные жительницы Проворнова и Каткова, которые вместе с вышеперечисленными 13 советскими гражданами находились в немецкой тюрьме, показали, что перед расстрелом все они подвергались жестоким истязаниям. Расстрел был произведен в ночь с 21 на 22 января 1944 года по приказанию немецкого офицера майора Херанена, старшего военного начальника гор. Волово. Мотивом для расстрела послужил отказ от насильственной эвакуации в Германию.

(Следуют подписи.)

СУДЬБА НАДИ ТУГАНОВОЙ

Их было четырнадцать. Глухой январской ночью их расстреляли в Терплицком лесу. Когда через три дня немцев выбили из города Волово, местные жители показали страшный след этого злодеяния — длинный ров, наскоро засыпанный землей, а перед ним — низкая колючая проволока, на которой повисли клочья женского шарфа. . .

Было известно, что расстрелянных — четырнадцать, а откопали тринадцать. Вот что стало известно о четырнадцатой — 16-летней девушке Наде Тугановой, случайно спасшейся от гибели.

Надя была серьезной девочкой, любимицей семьи. Жизнь только открывалась перед ней — радостная, ничем не омраченная жизнь. Так было до сентября 1941 года, когда в ее родной город пришли немцы.

Все рушилось. Школу, в которую она ходила, закрыли. Не выйдешь из дома вечером, не засидишься над книгой — нет света. По тихим улицам рыскали гестаповцы, хватали и увозили мирных людей. В один из таких дней не вернулся отец Нади — Иван Петрович Туганов. Дом сиротел. Иван Петрович был расстрелян немцами.

Надя не плакала. Замкнувшись в себе, она тяжело переживала гибель отца. А потом ее погнали на работу. Вместе с сотнями других девушек она дробила камни. Помахивая ременными плетями, ходили сытые наглые немцы. Руки бессильно опускались, но слышался окрик: «Русиш швайн, шнеллер... — Русская свинья, быстрее!». Это ее, русскую девушку, называли свиньей! Кровь прилиwała к щекам, сердце наполнялось ненавистью. Хотелось бы поговорить с кем, излить душу, но мать наказывала: «Осторожнее, Надя. Немецкое ухо далеко слышит...». С одним лишь Сергеем Гусевым Надя могла говорить обо всем. Гусев был другом отца.

— Как жить теперь? — с тоскою спрашивала Надя.

И Сергей однажды сказал:

— Жить надо по-другому...

Через некоторое время Надю Туганову арестовали, обвиняя в связи с партизанами.

В субботу, 8 декабря 1943 года ее привели в дом № 19 по Третьей улице. Там размещалась зондеркоманда.

— Это и есть бандитка Туганова? — спросил начальник майор фон Брем.

Майор стал бить ее по щекам, в грудь. Надя молчала.

— На электрический стул! — в бешенстве крикнул майор вошедшим солдатам.

Горит кожа, стучит в висках. Стало колоть все тело. Закричать бы. Сколько может вытерпеть сердце... «Мамочка, дай сил...»

Очнулась Надя в камере, куда ее бесчувственную принесли после пытки на электрическом стуле.

Пришел Пильхау — немецкий врач. Спросил с издевкой:

— Как, барышня, вам понравился электрический стул?

Когда ее вывели в коридор, она увидела среди других арестованных Сергея Гусева. Лицо его было в кровоподтеках и ссадинах. Встреча с Гусевым влила новые силы в истерзанную душу девушки. Новые допросы и пытки не дали никаких результатов.

...Ночью их подняли. Солдат с вышитым на фуражке черепом сдернул с Нади пальто, берет. Потом схватил за руку и втокнул в комнату.

На столе — куча ремней. Немец попробовал их крепость. Он заломил Надины руки за спину и стянул их ремнем.

— Куда нас везут? — спросила одна из женщин.

— В лагерь, — ответил немец.

— Вы для этого нас раздели? — насмешливо спросила Надя.

— Что ж, Надя, всех не перебьют. Нас много осталось, — сказал Сергей Гусев.

Надя плечом тронула Горохову. Пожилая женщина рыдала. Ее вина была в том, что она скрывалась в лесу от эвакуации.

— Не плачьте, Лидия Ивановна. Чтоб не видеть им наших слез.

Транспортер медленно полз по дороге к лесу. Надя думала о маме. Смерть не была страшна, звучали в ушах слова Гусева: «Нас много осталось...»

Немец подвел Надю к траншее. Тоненькая осина дрожала на ветру. Надя прислонилась к ней. Немец отошел назад. Надя сжала плечи. Холод охватил ее. Вот наступает смерть... В шестнадцать лет. Но сразу же она высоко подняла голову. Ей ли, русской, бояться немцев! Она повернула голову влево, и тут ее обожгло, колокольчиками зазвенело в ушах. Надя упала в яму...

Немцы достреливали остальных. Ночную тишину нарушали резкие хлопки выстрелов, предсмертные стоны. С достоинством умирали русские люди, не просили пощады у врага.

Надя очнулась. Снег облепил лицо. Она повернула голову и щекой прижалась к стенке траншеи. Послышались шаги. Немец осветил фонариком ее лицо. Она сжала зубы. Только б не застонать!

Она вновь очнулась, когда все было тихо. Шелестели сосны, вдалеке гудел мотор. «Жива?» Она встала на колени, поползла.

Ей стало холодно, и она поползла обратно. Нашупала тонкий халат. Это же Лидия Ивановна. Надя легла рядом и грелась теплом еще неостывшего тела.

Опять застучал транспортер: немцы привезли новые жертвы. Надя опять легла на свое место.

— Бей, фашистский гад! — услышала она голос Руфимы Петровой. Выстрелы, и опять тишина.

Она выбралась из траншеи-ямы и встала на колени. Ощупала рану. Пуля пробила шею и вышла через щеку. «Жива!»

В носочках, в легком платье, она брела по дороге. Вот дом.

— Наденька, ты? — выбежала мать.

— Тише, мамочка, тише!

В доме немцы. В сарае с сеном она пролежала до утра. Утром местный фельдшер Сорокина сделала перевязку. Надю тайком перевезли в дом Антонины Баховой. А через три дня в город Волосово вошли советские войска.

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В ЛУГЕ

По свидетельству жителей г. Луги Львова Якова Яковлевича (учителя), Львовой Анны Николаевны (учительницы) и Покровского Юрия Сергеевича (чернорабочего при церкви)

Когда немцы пришли в Лугу и заняли окрестные деревни, начались систематические издевательства, преследования и расстрелы советских людей. Арестовали и увезли председателя Смердовского сельсовета Тимофеева Федора Михайловича и секретаря партийной организации Гаврилова Алексея Гавриловича. Потом стало известно, что их расстреляли.

Заведующего клубом в дер. Смерди Петра Трофимова привязали к дереву, расстреляли и бросили в болото. Жителям немцы заявили, что Трофимов расстрелян за связь с партизанами.

7 августа 1941 г. немцы собрали всю молодежь из деревень Лужского района, посадили в псковскую тюрьму и продержали целый месяц. Заключенным давали в день: кружку эрзац-чая без сахара, миску баланды (кипяток с высевками пшенной крупы) и 50 граммов хлеба. Появилась дизентерия, которая стала сильно распространяться, так как никакой врачебной помощи не оказывалось. Многие в тюрьме погибли.

Население деревень немцы ограбили дотла. В деревне Смерди из имеющихся 34 коров забрали 28. Забрали также 104 овцы и 500 кур. Немецкие офицеры и солдаты часто тут же пристреливали корову или овцу, вырезали лучшие

куски, а остальное бросали. Населению строго было запрещено подбирать остатки. Старика Леонова Василия Васильевича (70 лет) жестоко избили за то, что он попытался взять брошенную немцем часть туши своей коровы.

Немцы беспощадно расправлялись с русскими военнопленными. В декабре 1941 г. жители г. Луга стали свидетелями такой картины: русские военнопленные мостили дорогу. Они были страшно исхудавшие, грязные, одеты в лохмотья. Один военнопленный упал. Немецкий часовой бил его ногами и прикладом, но он встать не мог. В это время на автомашине подъехал офицер. Часовой к нему подбежал и доложил о случившемся. Офицер пересел на место шофера и подъехал к лежавшему на дороге красноармейцу.

— Встань, русская свинья! — крикнул офицер.

Красноармеец не пошевелился. Тогда офицер спокойно и медленно, при гробовом молчании, воцарившемся вокруг, наехал на красноармейца и раздавил его.

В деревне Смерди жила семья Васильевых — отец, мать, сын и дочь Евгения (16 лет). Когда пришли немцы, сын ушел в партизаны. Семья Васильевых жила недалеко от сожженной немцами церкви. В один из дней августа 1943 г. Евгения Васильева на своем дворе стала копать яму для картошки. Подошли два немца.

— Что ты там делаешь? — гаркнули они.

Девушка спокойно ответила:

— Я копаю могилу для немецких сволочей. . .

Немцы переглянулись и ушли.

Ночью пришел в деревню карательный отряд. Во всех домах был произведен тщательный обыск — искали партизан и оружие. Евгению Васильеву забрали в гестапо. Она подверглась пыткам и издевательствам. Но мужественная девушка не проронила ни одного слова. Утром ее вывели на казнь. Привязали к березе и расстреляли. Перед смертью Евгения Васильева крикнула:

— Передайте брату, что я умираю за Родину!

Тело русской девушки-патриотки немцы бросили в болото. Мария Васильева (мать девушки) два месяца ходила в комендатуру и умоляла разрешить ей похоронить дочь, но ее выгоняли.

В деревне Слапи проживала оседлая семья цыган (7 чел.). Мать и одного сына расстреляли в первый месяц оккупации. С остальными членами этой семьи несколько раз проделывали следующее: выводили на кладбище, заставляли рыть для себя могилы, а потом отпускали со словами:

— Идите. Работайте лучше на заводе Кенига. Может быть, вам удастся заработать себе право на жизнь...¹

В начале сентября большинство жителей вызвали в комендатуру и предложили расписаться на бумаге, в которой было сказано: «Обязуюсь явиться с семьей 10 сентября (в такой-то пункт)

¹ Завод Кенига — кирпичный завод в г. Луге, директором которого был зондерфюрер Келиф, отличавшийся своей жестокостью.

для эвакуации». Целые деревни поднимались и уходили в леса, чтобы спастись от угона в неметчину. Карательные отряды поджигали оставленные или частично оставленные деревни, устраивали в лесах облавы и захваченных насильно отправляли в Германию. Сопrotивлявшихся били прикладами. Многих расстреливали.

За несколько дней до освобождения Красной Армией Луги, в детский дом ночью пришел какой-то унтер-офицер с группой солдат, отобрал 50 детей и увез. Кладбищенский сторож потом в ужасе рассказывал жителям, что немцы привезли на кладбище много детских трупов и спешно закопали.

При отступлении из Луги немцы часть домов подожгли, а в другие заложили бомбы и мины. Причем одна команда закладывала бомбы, а другая через некоторое время обходила дома и подрывала их. Многие дома уцелели только потому, что вторая команда не успела сделать свое гнусное дело во всем объеме.

Жителей, пытавшихся тушить пожары, беспощадно расстреливали. Так был расстрелян у своего дома (Нижегородская, 13) гражданин Петер Александр Евграфович.

Расстрелянные немцами жители дер. Ямковицы, Кингисеппского района.

А К Т

о беспримерном злодеянии немецко-фашистских мерзавцев в дер. Пикалиха, Карамышевского района, Ленинградской области

Отступая под ударами войск Ленинградского фронта, немцы 27 февраля 1944 года согнали жителей деревень Зарои, Крякуша, Пикалиха и поселка Карамышево в два больших дома в дер. Пикалиха, подвергли их зверским пыткам, после чего сожгли. На пепелище сгоревших домов обнаружено свыше 120 трупов умерщвленных и сожженных женщин, стариков и детей. Тщательным осмотром опознаны трупы следующих мирных жителей: зубного врача Ширяевой Зои Алексеевны, 32 лет, ее отца, матери, двух детей и бабушки, 89 лет; Морозовой Ольги Андриановны, 18 лет; Морозовой Зины, 15 лет; Морозовой Людмилы, 11 лет, и их бабушки Матрены Васильевны, 80 лет; Михайлова Петра Михайловича, его жены Марии и двух детей; Сидорова Дмитрия, его детей Виктора, Евгения, Анатолия и Валентины; Курковой, ее детей Клим и Нины; Румянцевой Тамары Дмитриевны, 27 лет, ее детей Олега, Левика и Геннадия; Степанова Василия, его жены Марии, детей Николая, Алика, Ани; Смирнова Ивана Дмитриевича; Голубева Михаила Федоровича, его жены Татьяны и дочери Веры; Петрова Ивана Петровича, 31 года, его жены, матери и детей Галины, Алисы и Тамары.

На многих трупах обнаружены следы пыток. Тела изуродованы, лица разбиты, на некоторых из них имеются ссадины и синяки. У некоторых трупов распороты животы. Голова умерщвленного Петрова Ивана Петровича изрешечена пулями, тело изрезано ножом.

Акт подписали: представители воинской части капитан Рубанов А. В., старшие сержанты Цветков Н. Ф. и Жадин М. И., красноармейцы Смыков И. М. и Лопатин С. Д., жители деревни Пикалиха Морозов Ф. Е., Яковлева А. Т., Орлова Ф. П., Константинов П. К., Петров М. П., Федоров М. Ф., Афанасьев А. А., Иванова М. Н., Степанова С. Н., Васильева А. В.

29 февраля 1944 года.

ТРАГЕДИЯ ДЕРЕВНИ КОБРИНО

Пахнет гарью. Над деревней стелется дым, и пепел падает на почерневший снег. Уныло и безлюдно вокруг. Когда видишь распахнутые настежь двери домов, опустошение и разор кругом, — трудно поверить, что Кобрино было местом отдыха ленинградцев, что вот здесь рядом, в сосновом бору, были пионерские лагеря, и далеко разносились веселые детские голоса...

Появляются жители. Они тащат за собой санки с домашним скарбом, который им удалось спрятать от немцев. На узлах сидят закутанные в тряпье ребяташки, молчаливые и серьезные, — малолетние старики. Много дней жители деревни Кобрино прятались в лесу. Мерзли, голодали.

Теперь, после прихода Красной Армии, они возвращаются в родные места.

Бойцы обступают жителей, и кобринцы рассказывают им о страшных днях, проведенных в немецкой неволе. Жуткий это рассказ.

Осенью 1941 года гитлеровцы ворвались в деревню. Начался разбой. В Кобрине был крепкий колхоз «Смена». Немцы разграбили колхозное добро, забрали скот.

Юный колхозник Миша Мельников пас стадо. Немец наставил на мальчика автомат, отобрал и увел трех коров и двух овец. Так повторялось несколько раз. Гитлеровцы хватали все, что попадалось под руку. Они заходили в избы, открывали шкафы и комоды и уносили с собой белье и прочее имущество.

В морозный зимний день немцы на улице сняли валенки с пожилого крестьянина, заставив его босиком идти домой. Гитлеровцы останавливали ребятишек и отрезали от их валенок себе голенища. «Мне нужен стелька для мой сапог», говорили они, не обращая внимания на плач ребятишек.

С рассветом жителей угоняли на работу, а на ночь запирали в сарае. Им давали на сутки 150 граммов хлеба с опилками и мутную похлебку. «Урожай разделите — будете с хлебом», говорили немцы. Осенью гитлеровцы забрали весь урожай, и кобринцы снова остались без хлеба. Голодные люди ели траву.

Палки и розги немцы применяли по любому поводу. Не вышел во-время на работу — розги,

не умеешь разговаривать по-немецки — розги. Кобринцы были на положении рабов, каждый немецкий солдат мог сделать с ними все, что хотел.

У пожарного сарая немцы соорудили виселицу. В первый же день своего прихода они повесили четырех крестьян.

Когда в деревне был убит один немец, гитлеровцы взяли в Кобрине и в соседней деревне 16 заложников — стариков и молодых — и всех расстреляли. Однажды два парня, не выдержав мучительного голода, взяли у немца кусок хлеба. Их зверски избили, потом расстреляли.

Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровцы угнали из деревни всех мужчин и молодежь. Плач и стон стояли в Кобрине. Юноша Николай К. сказал своей родственнице, старушке Петровой:

— До свиданья, тетя Нюра. Увидите наших бойцов — передайте им, что мы никогда не предадим Родину. Пусть поскорее выручают нас. Мы отомстим немцам за все наши муки...

УМЕРЩВЛЕНИЕ НЕМЦАМИ БОЛЕЕ 1500 БОЛЬНЫХ В ЛЕЧЕБНИЦЕ ИМЕНИ КАЩЕНКО

Вступив 30 августа 1941 года в с. Никольское Гатчинского района, немцы разграбили и увезли в Германию ценные вещи и оборудование известной в Ленинградской области лечебницы

имени Кащенко. Гитлеровские мерзавцы расстреляли ни в чем неповинных медицинских работников больницы — главврача Дуброву, врача Дивельтову, служащую больницы Моисееву и многих других. В больнице имени Кащенко к приходу немцев насчитывалось свыше 1500 больных — стариков, женщин, детей и подростков. 20 ноября 1941 года все они были умерщвлены. Умерщвление было проведено «организованно» и проходило следующим образом: вечером 19 ноября немецкие военные власти объявили медперсоналу, что больные перемещаются в г. Псков. Утром 20 ноября к зданию больницы подъехали крытые автомашины. Началась погрузка больных. Тех, кто не хотел ехать, загоняли в машины силой. На улице раздавались крики и стоны несчастных. Грузенные автомашины подъехали к больничному бараку, расположенному на окраине села. Находившимся в машинах людям, немцы приказали по-одному входить в помещение. В «приемной» комнате каждому входившему немецкий врач производил подкожное всprыскивание ядовитой жидкости. После этой «процедуры» больных снова грузили в машины и увозили к противотанковому рву в дер. Ручьи. Яд действовал быстро. Больные умирали в дороге, спустя 5—10 минут. Чтобы избавиться от свидетелей этого чудовищного преступления, гитлеровские людоеды, пока происходило умерщвление советских граждан и свалка их трупов в ров, — изгнали уцелевшее население дер. Ручьи в лес.

Вместе с умершими гитлеровцы бросали в ров и тех, в ком еще теплилась жизнь. Так было умерщвлено свыше 1500 больных, ни в чем неповинных людей. Боясь возмездия за свои кровавые дела, немцы в ноябре 1943 года пригнали к противотанковому рву группу захваченных в плен раненых красноармейцев и заставили их раскопать огромную могилу. Останки умерщвленных ядом советских людей были сожжены. Одновременно была загнана в сарай и сожжена группа раненых красноармейцев, производивших раскопку могилы.

А К Т

об уничтожении и угоне на каторгу в Германию жителей Струги Красные, о разрушении общественных зданий, культурных учреждений и жилых построек города

Мы, нижеподписавшиеся, представители воинской части: капитаны — Щербовских, Стручков, Сударенков в присутствии и при участии граждан города Струги Красные, проживавших в нем в течение всего времени немецкой оккупации, Котовой Анны Георгиевны, Егоровой Антонины Васильевны и Стафиева Петра Евстафьевича установили следующие факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Стругах Красных.

1. Истязания мирных жителей, расстрел и угон мирных жителей в немецкое рабство.

При занятии немецкими войсками г. Струги Красные по приказу коменданта гарнизона майора Гутгофа и его помощника капитана Рем все местное население было согнано к 3-м часам утра на площадь у железнодорожной станции. В течение одиннадцати часов здесь производился публичный допрос советских граждан и расправа над ними. С помощью предателя Ведищева немцы после допроса, сопровождаемого издевательствами и пытками, расстреляли 12 мирных жителей, подозреваемых в принадлежности к коммунистической партии. Многих граждан, подозреваемых в том, что они являются коммунистами, комсомольцами или советскими активистами, немцы пытали, секли до полусмерти шомполами и после этого расстреливали. Трупы убитых мирных граждан долгое время лежали на площади, так как гитлеровские мерзавцы запретили захоронение их. Среди расстрелянных были: директор средней школы Срезневский Иван Антонович, 50 лет, преподаватель школы Ямщикова Алексей Иванович, 52 лет, и другие.

В течение двух с половиной лет немцы систематически истребляли жителей Струги Красные. В том числе была расстреляна Стафьева Ольга Андреевна, 17 лет, грудные дети и беременные женщины.

Местные жители Тимофеев Антон Тимофеевич, Иванов Семен Иванович, Стафьев Петр Евстафьевич, Котова Анна Георгиевна и другие

рассказали, что в Стругах Красных, являющихся районным центром, свирепствовала немецкая охранка. Из ближайших деревень сюда сгонялось мирное население, подозреваемое в связи с партизанами, и здесь уничтожалось. Таким образом, за это время было расстреляно до 9 тысяч ни в чем неповинных советских граждан, в том числе женщины, старики и дети. Расстрелы производились на юго-западной окраине Струги Красные, где лицами, составившими настоящий акт, обнаружено четыре больших ямы в 20 метров длиной, заполненных трупами. Большая часть жителей Струги Красные, оставшаяся в живых, была угнана в немецкое рабство; в числе их две дочери гражданина И в а н о в а, дочь Ста ф и е в а Петра Евстафьевича, 36 детей в возрасте от 10 до 14 лет и много других граждан. До войны в г. Струги Красные проживало до 7 тысяч жителей, в настоящее время их насчитывается не более 100 человек.

II. Разрушение общественных зданий, культурных учреждений, жилых построек и грабеж мирного населения.

Начиная с осени 1943 года по приказу немецкого командования началось планомерное разрушение и сожжение общественных зданий и жилых построек города. Были разрушены и сожжены: районная больница, кинотеатр, четыре школы, одна из них десятилетка; взорван вокзал, почта, водокачка. В церкви была устроена конюшня. За 3-4 дня до отступления немецкие войска почти полностью сожгли город, в котором уцелело

лишь 15 полуразрушенных домов. Все материальные ценности, находившиеся в г. Струги Красные, все имущество граждан, скот и продукты питания немцы вывезли в Германию.

(Следуют подписи.)

ГОРЕ СТАРИКА ТЮРТЮ

Трудно было представить, что здесь кто-то мог жить. Большой, в былое время крепкий дом был полностью разрушен. Внутри его завалились опаленные огнем балки. Неподалеку валялись занесенные снегом — швейная машина, маслобойка, разбитое стенное зеркало...

Кругом — пепелище, смерть, запустение.

Но вот у старой бани, с окном, заткнутым рваной подушкой, кто-то зашевелился. Щуря слезящиеся от солнца глаза, к нам подошел старик-эстонец Эдуард Тюртю. При виде красноармейцев лицо его оживилось.

— Пришли,— сказал он, с надеждой и радостью засматривая в глаза бойцам.— Значит, кончился немец? Опять будем жить по-хорошему... Только вот,— горестно развел он руками,— как же жить? Никого нет, один я остался.

...Под напором Красной Армии враг откатывался назад. В эстонских поселках из дома в дом суетливо бегали немецкие солдаты.

— Шнель! Шнель! — Быстрее!.. — кричали они.— Собирайтесь в Германию!

Душераздирающие крики стояли вокруг.

— Куда я пойду? — билась у порога своего мир-

ного очага седая женщина.— Здесь я прожила всю жизнь, здесь мой дом...

В отчаянии она рвала на себе волосы.

Но по деревне уже бегали факельщики. Ударами прикладов они отгоняли от домов женщин, стариков, детей и поджигали строения.

Жителям было приказано взять с собой только то, что можно было унести в руках. Остальное имущество увозили в Германию немецкие бандиты. Они грузили на повозки и машины хлеб, домашний скarb крестьян, забирали у населения все.

Многие крестьяне бежали в леса. Но там их ловили, расстреливали, вешали...

И вот во всем поселке остался один старик-эстонец, да чудом уцелевшая от его хозяйства коза, которую он успел спрятать.

...Долго шел старик рядом с колонной бойцов, глубоко вздыхал, всплескивал руками и горестно твердил:

— Как же жить? Один я... Где дочь, где внуки? Погибли уже, наверно, в немецкой кабале...

ЧТО ТВОРИЛОСЬ В ЛУЖСКОЙ ТЮРЬМЕ

В городе Луга на Базарной площади стоит кирпичное здание. Здесь во время немецкой оккупации была городская тюрьма, где гитлеровские палачи пытали и убивали советских людей. Когда наши бойцы ворвались во двор тюрьмы, они увидели восемь трупов пленных

красноармейцев. У одного была отрублена рука выше кисти, у другого изрублена нога. Внутри двора, уткнувшись головой в землю, лежали расстрелянные мученики лужской тюрьмы. Много страшных трагедий видели эти стены. Об этих трагедиях рассказали очевидцы, оставшиеся в живых жители г. Луги.

В ОДИНОЧКЕ

Мой родственник Иван Васильев ушел в партизаны. Однажды он прислал ко мне на квартиру письмо. Немцы узнали об этом, схватили меня и посадили в тюрьму, в одиночную камеру. Меня втокнули в маленькую темную клетку.

Того, что я вытерпела в тюрьме, не передать словами.

Через маленькое окошко с железной решеткой каждый день, примерно в 2 часа дня, я видела, как немцы вели наших людей на расстрел. Заключенные несли с собой лопаты. Они сами рыли себе могилы. Потом я слышала в заднем углу двора выстрелы и видела, как немцы несут одежду расстрелянных. На моих глазах прошло не меньше трехсот советских людей, которых немцы расстреляли во дворе тюрьмы. Среди них были и красноармейцы, и мирные жители — мужчины, женщины и дети.

Из всех камер утром, днем и ночью слышались леденящие кровь крики и стоны. Это немцы мучили, пытали наших людей.

Я тоже была обречена на расстрел. Но вскоре после заключения в тюрьму у меня пошла кровь горлом. Немецкие изверги решили выбрать для меня наиболее тяжелую пытку — медленно умерщвлять меня голодом и холодом. Немцы открывали дверь моей камеры и кричали: «Ты скоро умрешь, у тебя туберкулез!» Каждый день меня вызывали на допрос, измывались, грозили плетью.

Восемь месяцев, до самого прихода Красной Армии, я пробыла в одиночке. Я была здоровой, цветущей женщиной. Теперь я — скелет. Мне 31 год. Мне хочется жить, но я умираю. У меня двое детей.

Дорогие товарищи бойцы! Я счастлива, что увидела вас, увидела свой родной город, своих детей свободными от немецких зверей. Я прошу вас: отомстите за меня, за моих ребят!

Зинаида ДАНКЕР

НЕМЕЦКАЯ ПЛЕТЬ

В немецкой тюрьме для пыток применялась длинная, туго сплетенная из нескольких веревок, плеть, имевшая два конца. На обоих ее концах жесткие, режущие узлы.

Я видел, как орудовал такой плетью немецкий палач. Немцы на моих глазах истязали депутата Перечицкого сельского совета Константина Баранова. Вся спина его стала черной. Советский патриот держался гордо. Он ничего не говорил убийцам. Тогда они подняли Баранова,

приставили к стене и снова начали бить. Баранов терял сознание. Немцы обливали его водой и опять били.

Таким же страшным пыткам подвергли немецкие псы Семена Андреева, Григория Никифорова и десятки других граждан. Насладившись мучениями и кровью русских людей, немцы их расстреливали. За все это должны расплатиться гады!

Влас СЕРГЕЕВ

ОТОМСТИ, БОЕЦ, ЗА НАС!

К нам в деревню нагрянули немцы. Сначала у деревни остановился поезд. В дома полетели пули. Фашисты стреляли из поезда по мирным жителям.

Немного позже в деревне показался обоз. На санях сидели русские люди, которых немцы угоняли на каторгу. За санями шла немецкая пехота.

Сидевшие на санях, предупредили нас:

— Выносите все, что у вас есть, а сами скрывайтесь. Сейчас будут зажигать вашу деревню.

Только сказали нам это, как мы увидели: немцы несут из сараев сено и поджигают дома. Принесут охапку сена и зажигают. Пока дом не загорится, не уйдут. Так они, паразиты, добрались и до моего дома. Дочка моя Люся плачет, а немец гонит ее:

— Уходи!

На моих глазах сожгли эти изверги дом, мебель, овец, кур. И осталась я с семьей без крова, без хозяйства.

В первый день сгорело в деревне 32 дома. На другой день немцы пришли и сожгли еще 2 дома и 2 сарая. Увидали они в огороде жителя деревни Алексея Пименова и ни за что и ни про что убили человека. Четырех детишек оставили, ироды, без отца.

А сколько горя натерпелись мы за эти два года, пока они хозяйничали у нас в деревне. Разве я забуду когда-нибудь, как они ограбили меня до нитки: забрали мое белье, обувь мужа, наволочки с подушек, отобрали, бесовестные, у ребенка сахар и конфеты. А на работе как издевались. Только и слышали: «Русь, работай. Русь, работай».

Александра Антоновна НИКИТИНА

СУРОВО ПОКАРАЙТЕ ЗЛОДЕЕВ!

Когда стал немец близко подходить к нашей деревне, решил я покинуть родные места. Да и другие тоже поднялись. И вот потянулись мы с обозами на Кириши. Но немцы нас перехватили на дороге и назад погнали. Многих тут же избили, отняли хлеб и скот.

Появились в наших местах партизаны. Стали они мстить немцам за горе народное, стали нападать на вражеские отряды и обозы, дороги минировать, поезда под откос пускать.

Видят немцы, что с нами управиться не так-то легко, давай еще больше зверствовать — грабить, пытаться, убивать. Так погибла от рук гитлеровских палачей Татьяна Журавлева с дочерьми Антониной и Марией.

Своими глазами нам приходилось видеть, как немцы водили на казнь женщин, стариков и детей.

И мне довелось на своей спине испытать немецкий «новый порядок». Схватили меня по подозрению, будто связан я с партизанами. Привезли в свою комендатуру. Там посадили в камеру, специально такую сделали, что не повернешься в ней. Начались мои мучения. Каждые три-четыре часа допрос.

А допрос такой:

— Где партизаны?

— Не знаю.

Тут в ход шли плети и палки. Избивали нас нещадно, потом бросали в камеру, а затем снова выволакивали на допрос и снова избивали. Думал я, что уже не выживу...

За муки наших людей нещадно громите немчуру, бойцы Красной Армии!

Иван ГУСЕВ

ПОД НЕМЕЦКИМ ИГОМ

Рассказ колхозницы Татьяны Егоровны
Прохоровой

До войны в нашей деревне было 300 дворов и тысячи полторы жителей. В октябре же прошлого года оставалось всего 400 человек, а к приходу частей Красной Армии — только 24 местных жителя. Да и эти-то спаслись прямо-таки чудом.

Перед бегством из наших мест немцы угнали почти все население. Нам удалось спрятаться — кому в сараях, кому в банях, в подвалах... Конечно, в другое время нас разыскали бы, но теперь немцам не до того было. Уж очень поспешно они бежали, впору было свои-то ноги унести...

Как мы жили при немцах? Да разве это была жизнь! Всех, от мала до велика, заставляли выполнять тяжелые, непосильные работы — дороги мостить, камень и лес заготавливать. А хлеба давали по 150 граммов на день, да баланду. Вот и живи как хочешь! Люди уж и траву, и крапиву ели; многие умерли с голоду...

Летом нас заставляли в поле работать. Мы жнем, а сзади солдаты немецкие идут с автоматами, снопы забирают и увозят. Всегда за нами надсмотрщики фашистские ходили. Мы на положении рабов были. Чуть что — избивали нас, хоть молодой будь, хоть старый. Однажды немцы сильно избили Марию Рощину за то, что не смогла работать, надорвалась, — ведь ей уже

пятьдесят лет было! От побоев и мучений она в скором времени умерла. Или вот еще: был у нас в деревне инвалид, без ноги, — Василий Прохоров. Ну какой из него работник! Но немцы требовали, чтобы и он работал на них, а потом в лагерь его отправили. Там они до смерти замучили Василия Прохорова.

Вообще с нами, русскими людьми, разговор у немцев был короткий. Пришли они к председателю нашего колхоза Кувалдину — приказали:

— Ну-ка, живо одевайся. Больше не увидишь своей деревни. . .

Тут же забрали и колхозного бригадира Зубова. С той поры мы ни того, ни другого не видели. Наверное, немцы сразу же их убили.

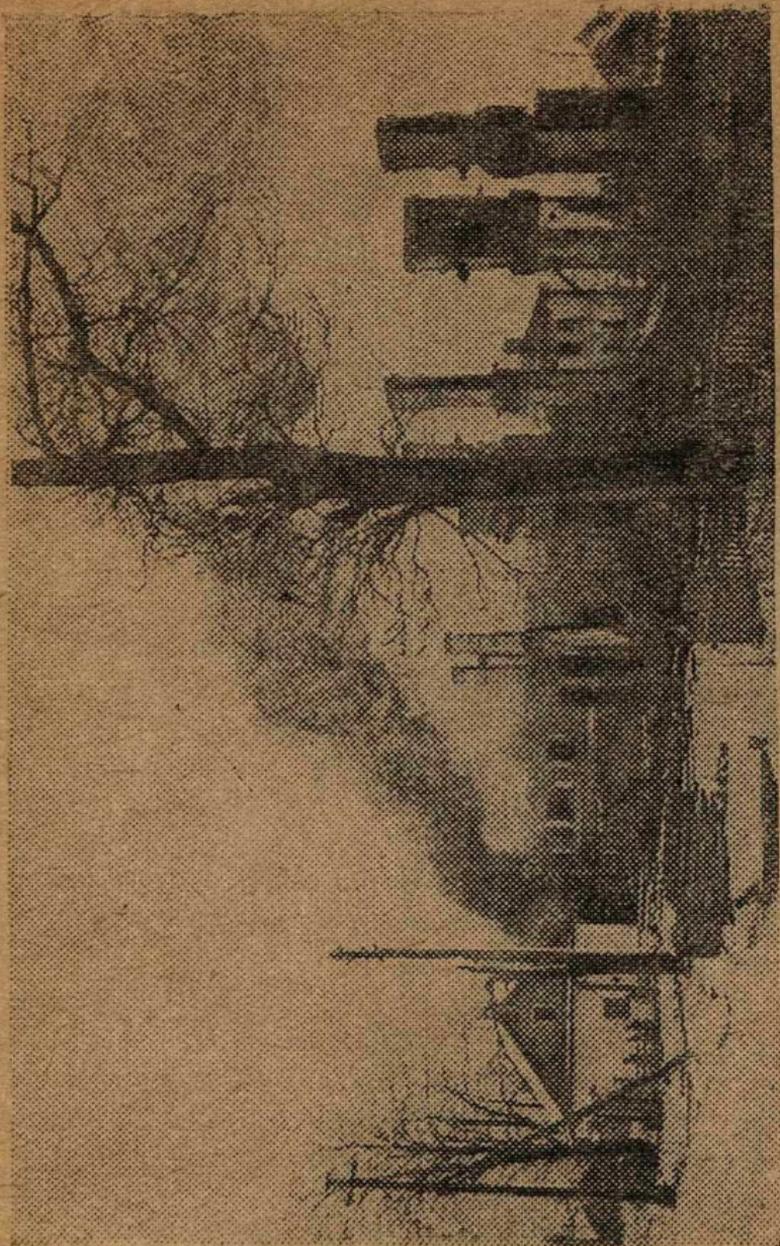
Погиб от руки немцев-кровопийцев и мой зять. Схватили его, будто бы он партизан, и в Гатчине на площади повесили. Афиши расклеили: «Повешен, как партизан».

Да разве все перескажешь, что с нами было? Школа у нас в селе была, так ее начисто окаянные фрицы разобрали. «Незачем русским учиться, — сказали они. — Надо работать. . .». Даже иконы наши — и те им мешали: собирали их и жгли.

Так и работали мы, гнули спину на них, а они палками подгоняли и все твердили нам:

— Теперь мы здесь хозяева. Все тут — наше!

Долго терпели мы издевательств немцев, много мучений приняли от них, окаянных. Красная Армия освободила нас от немецкого ига и вернула к свободной советской жизни.

Жилые кварталы гор. Кингисеппа, сожженные немцами.

«Я — РУССКАЯ!»

Люся появилась среди нас в тревожное для немцев время. Она каждое утро сообщала, что наши идут. Ее слова действовали на нас сильнее, чем все лающие речи немецкого надсмотрщика. И мы бросали работу, старались как можно меньше делать для проклятых немцев. Это злило их.

— Работай! — визжал молодой офицерик.

— Ваше благородие, — отвечала Люся. — Поганая Германия скоро лопнет от нашей работы.

— Ты есть кто? — багровея от ярости, орал немец.

— Я — русская! — отвечала Люся.

После этого Люсю стали приводить на работу под конвоем.

Однажды, изнеможенная непосильной работой, Люся упала. Немецкие власти обвинили ее в отказе от работы. Поздно вечером ее арестовали и увели. На опушке леса, где казнили измученных работой больных советских людей, Люсю заставили копать себе могилу. Свидетельница этой казни рассказывает, что перед смертью юная героиня плюнула в порослячью морду офицера-палача и крикнула:

— Я — русская, бессмертная... Скоро придут наши... Они за все отомстят!

Так оборвалась молодая жизнь славной советской патриотки, фамилию которой мы так и не знали, но светлый образ которой останется в наших сердцах навсегда.

Жительница села Сланцы

Александра Сергеевна ГЕРАСИМОВА

СПАСИТЕ НАС!

На свежем снегу еще не остыла кровь молодой женщины, убитой немцами. Годовалый ребенок, не понимая всего ужаса происшедшего, прижимается к мертвому телу матери, озябшими ручонками гладит ее по окровавленному лицу, плачет:

— Ма-ма! Ма-ма!

Но мама лежит неподвижно. Ее убили немцы. И не одну ее расстреляли фашистские изверги. Десятки жителей деревни Н. убиты ими за то, что они отказались отходить вместе с отступающими фашистами.

На столбе обрывок воззвания фашистского командования к жителям деревни: «Кто не будет следовать нашему последнему воззванию и останется в эвакуированных районах — может пенять на себя. С ними будем поступать, как с бандитами».

И этот труп матери подтверждает звериное предостережение разбойников.

В освобожденной деревне Н. бойцы нашли много скорбных писем советских граждан, насильно угнанных в Германию. Запомни, боец, эти документы.

«Милая бабушка! Нас, односельчан, 22 человека. Здесь в лагере тетя Ньюша с Валецкой, дядя Петя, Паша. Кроме того немцы наловили в лесах много жителей из других деревень. Всех нас гонят не то в Латвию, не то в Эстонию. На неделю выдали по килограмму хлеба. Го-

лодные и раздетые, мы плачем и не знаем, что будет дальше. Видно, никогда я не увижу тебя, родная бабуся. Передай нашим, пусть идут быстрее, пусть выручат нас из страшного горя.

Прощай, дорогая.

Нина».

«Я живу последние дни на родной земле. Потеряла все и всех, а главное ребенка. Лучше бы мне вырвали сердце. Прощайте навсегда. Дай бог вам дождаться наших.

Ольга».

У дороги, на кресте русского кладбища мелом написаны слова:

«Дети мои! Меня, вашу мать, угнали немцы. Прощайте, родные мои. Спасите!

Прасковья Маркова».

У старухи Марковой два сына служат в Красной Армии. Она молит их о спасении. Она взывает о помощи ко всем воинам. Спасите ее! Спасите всех женщин, стариков и детей, угнанных в немецкое рабство!

Верните советским людям счастье свободной жизни!

ОТОМСТИТЕ ЗА НАС, ТОВАРИЩИ БОЙЦЫ!

Боец, прочти письма детей из районов, освобожденных от немецких оккупантов. Это потрясающие рассказы о горе и лишениях наших родных советских ребят, временно оказавшихся в кровавых лапах немца-палача.

«Немцы угнали мою бабушку и крестную неизвестно куда. Папа мой на войне. А мама и две сестры умерли в лагере у немцев от голода. Только мы остались с братом. Его зовут Миша, ему 10 лет. А меня зовут Иванова Лида. Нам очень плохо без мамы, без папы, очень тяжело. Дорогие бойцы, отомстите проклятым немцам за то, что они погубили всю нашу семью.

Папочка, если это письмо попадет к тебе, ты не плачь, вытри слезы, возьми винтовку и бей без пощады немцев!

Лида Иванова, 12 лет».

«У меня нет никого — ни мамы, ни папы. Мой папа ушел в партизаны, а мамочку убили немцы. Когда они пришли к нам, ее сперва не было. Они пошли за ней на работу, привели ее и начали допрашивать, а потом повели за дом. «До свиданья, детки, я вас больше не увижу», — сказала она нам.

Маму сначала хотели бросить в огонь, и зажгли сарай, а потом стали расстреливать, а нас выгнали. Мы долго стояли на улице, стало

темно, и мы пошли к дяде Грише, у него переночевали. На утро пришли домой. Наш дом сгорел, мы увидели маму, она лежала на снегу в крови. Я бросилась к ней, закричала: «Мамочка, вернись!». Но никогда уже мама ко мне не вернется.

Товарищи бойцы, мы, трое ребят, остались сиротами. Отомстите немцам за нашу маму, за нас, за то, что они у нас все отобрали, все сожгли, что мы чуть не умерли с голоду, за все отомстите!

Соня Григорьева, 11 лет».

«Мой папа на войне в Красной Армии, а мама ушла, ее забрали немцы, и она больше не вернулась. Я остался круглой сиротой, мне нечего было кушать, я стал ходить по домам просить хлеба. Меня немцы схватили, повели в тюрьму и начали бить. Они повалили меня на пол, сняли рубашку и нанесли двадцать пять ударов по спине плеткой. Я кричал, мне было очень больно, кровь лилась, а они все били. До сих пор еще на моей спине следы остались. Мне 11 лет.

Отомстите за меня, товарищи бойцы, отомстите за мою маму!

Леша Иванов».

ГИТЛЕРОВЦЫ ЗАЖИВО СЖИГАЮТ РАНЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

А К Т

17 февраля 1944 г. во время боя за дер. Лешевцы немцы захватили в плен 47 раненых бойцов, сержантов и офицеров и учинили над ними чудовищную расправу. Все раненые были подвергнуты садистским пыткам и злодейски умерщвлены. На груди одного офицера немцы разжигали костер, у другого офицера — снят череп, и черепная коробка набита газетами. Девушки-санструкторы Новикова Екатерина и Шепотовская Анастасия раздеты до гола, тела их изрезаны ножами, груди вырезаны. Рядовой Марунов и еще два бойца, личность которых установить не удалось, замучены и сожжены. Остальные военнослужащие были также подвергнуты пыткам и издевательствам; у многих из них отрезаны носы, выколоты и выжжены глаза, вырезаны половые органы.

Акт подписали: майор Банковский, капитан Быков, старший лейтенант Антонов, старший лейтенант Замиралин, лейтенант медицинской службы Бондаренко.

17 февраля 1944 г.

КАК ФАШИСТЫ СОЖГЛИ НАШИХ РАНЕННЫХ БОЙЦОВ В ЗАОЗЕРЬИ

Рассказ красноармейца В. И. Шильцова,
спасшегося от расправы немцев

Он лежит на койке в госпитале. На лбу его, на левой щеке — черные наплывы, как куски расплавленной смолы. И нижняя часть носа вся черная, как бы залепленная смолой. Но это не смола. Это расплавленное человеческое мясо.

Василия Ивановича Шильцова жгли немцы. Он один из тех красноармейцев, которые находились в здании, подожженном фашистами на станции Заозерье.

Только двум красноармейцам — Шильцову и Малкину — удалось спастись. Они выползли из огня и притворились мертвыми. Вот что рассказывал красноармеец Шильцов:

«Это было в первом часу дня. Немцы подожгли здание, где мы находились. Сразу же загорелась солома, поднялось пламя. Вскоре сверху начали падать сгоревшие балки. Многие бойцы и командиры сторели, а нас, которые выползли в дверь, немцы стали расстреливать из автоматов и винтовок. Сам я лежал близко к двери. Я сполз с крыльца, перевалился через трупы и лег ничком, притворился мертвым. Смотрел в бок и видел все, что делали немцы. Они подходили к красноармейцам и командирам, которые еще шевелились, и тут же пристреливали их. У меня горела пола шинели, огонь дошел до тела и очень

болело бедро. Снег подо мной растаял. Я тихонько рукой зачерпнул немного воды и хотел потушить шинель. Немец это заметил и тут же выстрелил мне в голову. Вот тут на лбу у меня ожог. Это от пули, которая прошла около моего лба — немец промахнулся. И я тогда снова притворился мертвым. Я видел, как один боец, раненный в руку, выполз из дома, и его немцы застрелили. Командир нашего минометного взвода старшина Волков сгорел в огне. Хороший был командир. И медицинская сестра тоже сгорела. Среди сгоревших были тяжело раненные, которые даже ползти не могли. Они задыхались в дыму, медленно сгорали на огне. А остальных — человек семьдесят — немцы добились возле дома.

Когда немцы отошли от дома, они оставили патрулей — следить за нами и пристреливать тех, кто пошевелится. Я неподвижно лежал до вечера. Шинель загасла, во всем теле была страшная боль, но я терпел и, наконец, увидел, как бегут вперед наши. Я им сказал:

— Спасайте, ребята. Совсем я обожжен и закоченел от холода.

Меня быстро уложили на волокушу и отправили в медсанбат».

У меня руки потяжелели
и трудно писать, но я хочу
сказать вам. Бойцы и одиночки
не забывайте как немцы нас
жгли в огне. Они 78 человек
сжгли наших товарищей с
нами стояли и свалились со
стреляли из автомата. Идите
вперед на штурм врага,
копайте и стреляйте этих
зверей. Я бы сам пошел, но
у меня раны на всем теле
от немецких ожогов. Освобождайте
города Ленинградской области
и села. Если немцы сопротивляю-
тся окружите их и давите,
если бегут, гоните и убивайте
до одного. Вы должны за нас
отомстить, за пожженных. В
Заозерье и за все мужи Народа.

Шильцов Василий Иванович

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Зверства немецких извергов	1
Гитлеровские изверги зверски истре- бляют мирных советских граждан	7
Трагедия в Терпилицком лесу. <i>Акт</i>	—
Судьба Нади Тугановой	10
Зверства немцев в Луге	15
Акт о беспримерном злодеянии немецко-фашистских мерзавцев в дер. Пикалиха	20
Трагедия деревни Кобрино	21
Умерщвление немцами более 1500 больных в лечебнице имени Кащенко	23
Акт об уничтожении и угоне на каторгу в Германию жителей Струги Красные	25
Горе старика Гюртю	28
Что творилось в Лужской тюрьме	29
Отомсти, боец, за нас!	32
Сурово покарайте злодеев!	33
Под немецким игом	35
„Я — русская!“	38
Спасите нас!	39
Отомстите за нас, товарищи бойцы!	41
Гитлеровцы заживо сжигают раненых красноармейцев	43
Акт от 17 февраля 1944 г.	—
Как фашисты сожгли наших раненых бойцов в Заозерьи	44
Письмо рядового В. И. Шильцова	46

Отделение Воениздата НКО
при Ленинградском фронте
Редактор *капитан П. Яцынов*

Г2.334

Подписано к печати 13.11 1944 г. Печ. л. 1 $\frac{1}{2}$ Зак. 839

2-я типография Воениздата НКО имени К. Ворошилова

30 ИЮН 1944

2011098105